

День Победы

Владимир Крупин

Я даже стесняюсь писать о Дне Победы. Кто я тогда был – четырёхлетний мальчишка. Да и воспоминаний моих старших братьев по перу: Астафьева, Белова, Носова, Распутина хватает. Какое приношение могу добавить к обелиску величия нашей Победы? Читал строки их и понимал, что моё ощущение девятого мая, в общем-то, такое же, как у них – это величайший праздник победы света над тьмою, Христа над велиаром.

Как из утреннего тумана прорезаются очертания домов, деревьев, прохожих, так выплывает этот день из памяти. Перезимовали, готовим картошку к посадке. Недели две как извлекли её из подполья, высыпали на половики. Она уже даёт крепенькие, сизоватые росточки. Собираемся завтра утром сажать. Договорились и с лесхозовским конюхом, фронтовиком дядей Федей, поможет нам вспахать одворицу.

И вдруг, нет, это совсем не вдруг, а как величайшая справедливость майского дня, грянуло слово: «Победа!» Кто сказал, кто принёс это Слово из слов: Победа, не помню. Сосед, соседка, картонная тарелка радио, не помню. Но то, что этим словом всё стало моментально заполнено, одухотворено всё окружающее: дом, двор, улица, село, всё пространство нашей жизни – это было. Захваченные ликованием счастья, мы выскакивали на улицу, Улица была подчинена единому порыву торжества победы. Никто не приказал, не указал вытаскивать из домов столы, табуретки, стулья, тащить остатки запасов еды и выпивки, кто усаживал во главе застолья фронтовиков и стариков, кто не забыл и

нас, малышню, тоже не знаю. Все были соединены равенством счастья. Это была в чистом виде Пасха Христова: все обнимались, целовались, обливались слезами горя и радости.

Ах, как не хватало грома церковных колоколов.

И были восторги здравиц за Победу, за воинов, за Родину, за вождя, за память павших. И были песни, и слёзы, и снова слёзы и песни. И гармошка.

Нам, ребятне, всего надавали: конфет, кем-то сохранённых к этому дню, пасхальных крашеных яиц, домашней стряпни, от запаха которой кружило головы, всего не помню. Мы недолго сидели со взрослыми, убежали на берег нашей реки, на Красную гору. Разожгли костёр, да такой большущий, что вначале боялись прыгать через него. А потом: мы же, дети и внуки солдат, с криками: «Ура! Победа! Гитлер капут!» – с разбега пролетали сквозь пламя над огнём.

В середине дня ударил не колокольный, а небесный гром. И живая, освежающая и освящающая нас вода хлынула с майского неба.

А утром другого дня дядя Федя пахал нам огород, ступая в борозду своей деревяшкой, заменившей оторванную ногу. А соху тянула худющая лошадь Партизанка, тоже побывавшая на войне.